

МИЛЕНА МИЛЛИНТКЕВИЧ

О ПОДВИГАХ СВОИХ НЕ ПРИНЯТО КРИЧАТЬ

ЦЕНА ЖИЗНИ

ИЗ ЦИКЛА "ЛЮДИ И СУДЬБЫ"

12+

Милена Миллинткевич

Цена жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43376316

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-09583-0

Аннотация

Сборник рассказов и стихов о ценности жизни, о героизме и самоотверженности в годы Великой Отечественной войны, в мирное время XX-XXI века, и о нелёгкой битве за жизнь в дни нынешние.

Просто о важном. О нас с вами, о доброте, сострадании, чувстве долга, и, конечно, о любви.

Содержание

К читателю	4
Проза	7
Цена жизни	7
Спасибо, сынок	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Милена Миллинткевич

Цена жизни

К читателю

Дорогой читатель!

Сегодня я хочу поговорить о доброте. Той частичке света, что прячется внутри каждого из нас.

О чем размышляет человек, видя, как лопаты и экскаваторы крушат парк его детства?

О чем мы думаем, наблюдая, как посреди улицы одинокий старик молчаливо, с мольбой в глазах, озирается по сторонам?

Невольно всколыхнется внутри доброта, чуткость, сострадание. И если вы скажете, что это не так – не поверю.

Я не прошу открывать мне душу. Признайтесь себе: что заставляет нас подать руку женщине, выходящей из транспорта, поднести сумку старушке-соседке с тре-

тЬего этажа, поднять по ступенькам коляску молодой мамаше, поздороваться с не знакомым человеком, приветливо кивнувшем на улице?

Доброта. Наш внутренний компас. В самых потаенных уголках души не дремлет наш рулевой, наша путеводная звезда, наше доброе сердце. Помогая кому-то, помните: доброта на этом не заканчивается.

Оглянитесь вокруг! Уничтожая старое в погоне за обновлением можно ненароком сломать чью-то жизнь, и не одну.

«Все новое хорошо забытое старое» – помните эту поговорку? Так стоит ли старое ломать? Ведь это чье-то прошлое, возможно, что и наше с вами. Истребляя его, мы отбираем у себя воспоминания, приятные или не очень, но такие важные. А еще мы лишаем будущего своих детей. В погоне за новым и современным мы теряем связь с минувшим, забывая, что если бы этого прошлого не было, то не случилось бы и настоящего. И совершенно точно не видать нам светлого будущего, к которому мы стремимся. Так надо ли уничтожать то аутентичное наследие, что однажды станет популярным и актуальным, вопреки времени, наперекор всему. Стоит ли оно того?

Надеюсь, рассказы, собранные в этом сборнике не позволят угаснуть частичке света наших душ, напомнят, о доброте, человечности, сострадании, о любви к ближнему.

С уважением, Автор.

Проза

Цена жизни

*по воспоминаниям
участницы событий*

Щуплая старушка в длинном тёплом халате и меховых чуквах, поставила завтрак на стол и шаркающей походкой подошла к двери.

– Проснулась? В школу не пойдёшь? – заглянула она к внучке.

– У нас уроки отменили.

Поёжившись, девочка лет десяти, натянула кофту, вязаные носки и забралась на стул под окном наблюдать, как машины отчаянно буксуют на ледяных кочках.

– Да! Суровая неделя выдалась. Давно таких холодов не было. Шутка сказать, на Кубани минус двадцать пять! – сетовала старушка. – Иди кушать, остынет.

– Смотри, ба, там машины застряли.

Бабушка выглянула в окно и вздохнула:

– Стихийное бедствие, надо же! А во всём мороз виноват. Студёно, как в сорок третьем.

– В каком?

– В 1943. Ты ещё не родилась тогда. И твоя мама, и дедушка тоже.

Старушка накинула на плечи шерстяную шаль и, кряхтя, опустилась на софу.

– Так давно?

Злата пристроилась рядом с бабушкой. Та внимательно посмотрела на правнучку, поправила выбившуюся прядь волос, легонько коснулась шершавой рукой подбородка.

– Ты так похожа на мою маму! Те же глаза, нос с горбинкой, тонкие губы. И характер! Точь-в-точь Дина Аароновна! Смотрю на тебя, а вижу её.

Девочка потёрлась о морщинистую руку и заглянула в глаза.

– Так звали твою маму? Расскажи! Я её никогда не видела.

Бабушка обняла девочку, накрыла краем шали и вздохнула.

– Ты и не могла, внучка. Была война. Страшная. Кровавая. Великая Отечественная. Помнишь, мы про неё в книжке читали?

– А ты тогда уже родилась?

– Мне только исполнилось пятнадцать, а через два дня началось. Никто не предполагал, что немцы прорвутся так далеко вглубь страны. Очень надеялись, что их не пустят на юг. Не верили, что дойдут до Краснодара.

– А они дошли?

Бабушка тяжело вздохнула, посмотрела на внучку и тихо продолжила:

– Дошли. Мы с мамой и младшим братом Лёвой жили возле фабрики, в большом дворе, где квартиры, как маленькие домики, пристроены друг к другу. Мирно с соседями жили, одной семьёй. На праздники столы посередь двора накрывали. У кого, что было – несли. И радости, и горести – всё общее. За детьми малыми, опять же, кто-то один из соседей смотрел, пока другие работали. Жаль, огородов не было. Зато подвалы в каждом доме сухие, глубокие. В полный рост стоять можно. Двор у нас дружный был. И только один сосед вызывал страх и недоверие. За нашей стеной жил то ли немец, то ли литовец, с очень труднопроизносимой фамилией. Звали его Карл-Густав. Как-то само к нему привязалось прозвище – Гусь.

Злата хихикнула и улыбнулась.

– Гусь? Как птица?

– Ну, да! Именно так мы его звали – Карл Гусь.

Тихий был. Работал Правда, где никто не знал. Завсегда здоровался. Спасибо – пожалуйста. Вежливый очень был. И аккуратист такой! Порядок у него перед дверью, чистота. Любо-дорого взглянуть! Со временем мы привыкли к нему. Но всё же он особняком держался. С нами не застольничал, посиделок дворовых сторонился. Хотя частенько что-то такое на стол приносил: то сало варёное с чесноком – вкусное, то колбасу. Откуда брал? А ещё по праздникам детвору кон-

фетами завсегда угощал. Дефицит был – страшный! А уж сто́яли они так дорого, что... Это сейчас в магазинах всего полно́, а тогда мы этого ничего не знали. А он принесёт, поровну на всех поделит. Если лишнее оставалось, ножиком перочинным порежет и в довесок каждому к целой конфете. Никого не обделял. Свыклись мы с ним.

Ну а когда война началась, всё переменялось. И отношение к нему, да и он сам тоже другим стал. Угрюмый ходил. Нелюдимый. Наши-то его не обижали. Всё же плохого он ничего не сделал. А жильцы соседних дворов доносы регулярно писали. Воронок часто появлялся. Приедут. Документы проверят. Поговорят, и восвоеси. Пару раз забирали. Но он возвращался. Всё сносил. Лишь мрачнее становился. И без того мало с кем говорил, а то вообще в себе замкнулся. А тут как-то раз летом – это уже 42-й год был – пришёл к маме:

– Дина! Я Симу и Лёву с собой возьму. За город на поля поедем.

Уж не знаю, о чём они там шептались в кухне, но мама слова ему не сказала. Собрала в платок кусок хлеба, да пару картошек в мундирах и отпустила. А уже вечером мы горох лущили на просушку.

С тех пор Карл часто нас с собой брал. Мы с Лёвой, да другие ребяташки, выезжали на стареньком фанерном грузовике далеко, на брошенные поля. Собирали колоски, горох, кукурузу, картошку. В саду – яблоки. За два летних месяца мы изрядно пополнили запасы продуктов. Помню, ма-

ма как-то хотела с соседкой бабой Нюрой поделиться. Дружны они были. Так Карл запретил. Мы ещё с братом удивлялись, чего она его слушается? Но с каждым днём поездки становились опаснее и страшнее. Всё ближе враг подбирался к нашим краям, всё чаще рвались фашистские снаряды на улицах.

Когда в город пришли немцы, Карл сразу записался в полицаи. Мы с братом узнали о том ранним августовским утром. Он ворвался к нам в дом. На его руке горела повязка со свастикой. Страшно стало. Ни слова не говоря, он схватил меня и Лёву, и потащил к двери. Мы сопротивлялись, кричали. А мама, цыкнув, чтобы умолкли, быстро стала собирать вещи и документы. Карл запер нас в подвале своего дома и велел сидеть тихо. А уж если услышим голоса, и вовсе не дышать. Мы пытались расспросить маму, но она отворачивалась, пряча слёзы, и говорила:

– Так надо.

Попервой Карл приходил каждую ночь, перетаскивая из нашей кладовки продукты туда, где мы прятались. Чем быстрее росло количество припасов, тем понятнее становилось, что сидеть нам долго. А из тихих разговоров взрослых мы поняли – немцы в городе лютуют: облавы на партизан, подпольщиков, евреев; пытки, расстрелы, комендантский час. Лёва каждый день заводил брегет, папин подарок, и оставлял зарубки на полке, чтобы не потерять счёт времени и всё твердил о том, что пойдёт в город, осмотреться. Мама плака-

ла, просила не рисковать. Брат дулся, но не перечил. Вскоре ночи стали холодными. По Лёвиному календарю значилось конец октября. Впереди была зима и неизвестность: страшная, пробирающая насквозь, хуже лютого холода.

Карл появлялся всё реже. Иногда не видели его по несколько дней. Экономили продукты, воду, керосин. Зато мы отчётливо слышали, как кто-то ходил в нашем доме. Знакомый скрип половицы на кухне, по вечерам музыка из патефона – там кто-то жил. Всякий раз, слыша эти звуки, мы замирали, боясь пошевелиться, страшась, вдруг найдут.

То, что наступила зима, мы узнали по пронизывающему до костей холоду. Чем топить подвал? Лютого мороза не было, но мы мёрзли. Согревались, как могли, а в душе мечтали о жарко натопленной печке.

Однажды, Карл разбудил нас среди ночи и велел Лёве идти с ним. Их не было около часа, а потом нам на голову посыпались тёплые вещи и тюки с соломой.

– Откуда это? – спросила я.

Мама зыркнула на меня и велела молчать.

В ту ночь спать было намного теплее. Проснулась я от странного чувства. Сверху, где ляда, пробивалась узкая полоска света. Я разбудила маму, и тут обнаружилось, что Лёвы... нет. Над нами кто-то ходил, слышалась немецкая речь. Сердце в пятки ушло от страха. Я прижалась к маме, а она, казалось, и вовсе не дышала. Топот сапог. Хлопнули двери. И всё смолкло.

Какое-то время было тихо, а потом ляда с глухим стуком закрылась. Мы отчётливо слышали лязг щеколды. Два дня просидели в неизвестности и переживаниях. О самом страшном даже думать не могли. А потом явился Карл. Принёс еды, свежей воды, немного керосина. Он молчал. И мы тоже. Лишь когда собрался наверх, мама спросила:

– Ты знаешь где... Лёва?

Карл замер на лестнице, медленно оглянулся и тихо сказал:

– Он не вернётся.

И ушёл. Больше мы его не видели.

А через три дня в город пришли наши. Соседи, кто уцелел, во всех своих бедах винили Карла. Они сдали его первым солдатам, которых увидели на улице. Ну а те, недолго думая, расстреляли «фрица» прямо посреди двора. Обыскав дом, нашли в подвале нас.

Баба Нюра, увидав маму, бросилась к ней, голося и причитая. От неё мы и узнали, что Лёву забрали немцы и посадили в проезжавшую по улице душегубку. Этот новый вид изощрённого зверства фашисты впервые опробовали в Краснодаре. Страшное дело! В закрытый со всех сторон грузовик, заводили выхлопную трубу и люди задыхались газами от работающего двигателя. Мучительная смерть была у моего брата Лёвы. Жуткая.

Старушка смахнула слезу и замолчала. Злата забралась с ногами на софу и прижалась к бабушке:

– А что было потом?

– Потом? Мама, узнав, какой страшной смертью умер Лёва, заболела. Всё винила себя, что не смогла отговорить его от безумной затеи. Пыталась понять, как он сбежал. Похоже, Карла отвлекли, и он не до конца закрыл ляду, а брат этим воспользовался.

С каждым днём ей становилось всё хуже. А когда принесли похоронку на папу, слегла совсем и больше не вставала. Баба Нюра ухаживала за ней, как умела. Мне пришлось пойти работать. Мамы не стало 11 мая 45-го, на следующий день после сообщения по радио о капитуляции фашистской Германии.

Где-то, через год, мы случайно узнали, кем на самом деле был сосед Карл Гусь. Коммунист, еврей с немецкими и литовскими корнями. Как он оказался на Кубани узнать мы не смогли. Говорили, вроде бежал в Советский Союз после расстрела его семьи в конце тридцатых годов.

Во время войны его фамилия помогла получить должность полиция в оккупированном Краснодаре. А повязка со свастикой позволяла передвигаться по городу даже после комендантского часа: и пешком, и на мотоцикле, который ему выдали «как своему».

Он выискивал пособников фашистов и сдавал их новым хозяевам вместо коммунистов и партизан, надеясь, что человеку с его происхождением поверят больше, чем предателям своего народа. И ему верили! Больше двадцати стукачей

и изуверов сдал он фашистам, как связников и разведчиков.

– Что с ними стало?

– Одних расстреляли, других в застенках гестапо замучили – требовали рассказать о ячейках подпольщиков в городе. Но, они ничего не знали, потому, как никакого отношения к ним не имели. А Карл... Ещё в начале войны он узнал, где живут десятки еврейских семей. Во время оккупации прятал их по подвалам и погребам, помогая выжить. Почти сотня спасённых. И цена этим жизням – его смерть. Вот так-то, внученька.

Злата поцеловала бабушку и крепко обняла.

– А войны больше не будет? Скажи! Правда, ведь?

– Детка. Мы не можем этого знать. Но, я уверена, никто не хочет умирать. Какими бы ни были цели, всегда – цена жизни одних, есть смерть других. Надеюсь, люди это понимают и не забудут уроков той страшной войны.

Спасибо, сынок

посвящается моему дедушке

Сущенко Ивану Степановичу

Командир дивизиона зенитных орудий размашистой походкой торопился вдоль колонны машин. С трудом поспевая за ним, следом бежал коренастый ефрейтор в потёртой выцветшей гимнастёрке и прокуренным голосом басил:

– Да как же это, товарищ полковник! Без командира выступать? Орудиям без старшого никак нельзя!

– Вот вы, ефрейтор Морозов и будите пока старшим. А командира мы вам дадим. Не сомневайтесь! – выпалил полковник, притормозив на миг и обернувшись.

Из-за орудия, уже подцепленного к малолитражке, вынырнул начальник штаба:

– Где комдив? Невидали?

Столкнувшись, нос к носу с тем, кого искал, он вытянулся по струнке и доложил:

– Товарищ комдив! С курсов подготовки командиров отделений пополнение прибыло.

– Хорошо! Вовремя! – обрадовался полковник и повернулся к ефрейтору Морозову. – Я же сказал, дадим вам командира. Вот!

И подмигнув майору, бодро зашагал к штабной машине.

– Ну, как? Поговорили? – встретили Морозова бойцы зенитного отделения. – Дадут нам командира?

– Дадут, – недовольно проворчал ефрейтор. – Небось, такого же недотёпу, как был.

– С чего ты взял? – хмыкнул рябой боец, сворачивая самокрутку.

– Да, вишь, какое дело. Начштаба сказал, пополнение прислали. Только из-за парты.

– Э-хе-хе... – самый старший в расчёте седой артиллерист покачал головой. – Не будет проку нам от такого командира.

– Отделение! Стройся! – из-за орудия вышел начальник штаба. – Вот. Знакомьтесь. Младший сержант Василий Сушенко.

Бойцы переглянулись.

Щуплый парнишка, по виду вчерашний школьник, стоял рядом с майором и сжимал в руке вещмешок.

– Этот? – удивился Морозов. – Да ему ещё за юбкой мамкиной ходить, а не фрицев бить.

– Ефрейтор Морозов! – прикрикнул на недовольного бойца начштаба. – Разговорчики!

– Виноват, товарищ майор. Но нам бы командира. У нас тут, знаете ли, не детский сад. Юнцам сопли подтирать не обучены.

– Ох, Морозов, дождёшься ты у меня! Скажи спасибо,

замполит не слышит. Он у нас нраву крутого, сам знаешь.

– Знаю! – буркнул ефрейтор. – Больше не повторится. Только надоело нам после каждого боя командира хоронить: то под осколок шальной попадёт, то под затвор угодит, то и вовсе...

Под тяжёлым взглядом начальника штаба Морозов умолк. Притихли и бойцы. Стояли, опустив головы, искоса посматривая, то на майора, то на нового командира.

Оглядев недовольные лица зенитчиков, начштаба подтолкнул Василия вперёд.

– Младший сержант Сушенко окончил курсы командиров при артиллерийском полку. До того служил в пехоте. Стреляный, стало быть. И попрошу запомнить, он вам не юнец, а товарищ командир. Надеюсь, все всё поняли?

– Так точно! – послышались недовольные голоса.

Гулкое эхо разнеслось по колонне:

– По машинам!

Бойцы взобрались в кузов и огляделись.

– А куда это наш младший сержант подевался? – съязвил Морозов. – За начштабом увязался? Решил, его в командирском газике, как барышню катать станут?

Бойцы засмеялись.

– Небось, дёру дать надумал, пока фрицы нам не навалили, – хохотнул рябой наводчик.

– Кто ещё кому навалиет! – услышали они за спиной уверенный молодой голос.

Бойцы медленно развернулись. Юный командир стоял в кузове возле кабины и смотрел в удивлённые лица зенитчиков.

– Не 41-й. Теперь мы будем немцев гнать, да так, что не забалуют.

Бойцы переглянулись. Никто из них не видел, когда Василий забрался в кузов.

– Хватит разговоров, – твёрдо заявил командир. – Приготовиться к движению.

По ухабистой дороге, грохоча и поскрипывая, медленно двигалась вереница машин артиллерийского дивизиона. Гул приближающихся немецких самолётов Василий слышал бы даже во время канонады. Слишком свежи были в памяти недавние налёты на его родной город.

– Воздух! – тарабаня по крыше кабины, закричал он, и, не дожидаясь, пока машина остановится, выпрыгнул из кузова в траву.

– Орудия к бою!

Качнувшись на очередном ухабе, малолитражка, дёрнулась и встала. Впереди остановился командирский Газик. Позади – замерла колонна.

– По местам!

Бойцы, словно ждали приказа. Выскочили из кузова и, скинув чехлы с зениток, направили стволы в небо. Отде-

ление Василия Сушенко первым открыло заградительный огонь. Остальные орудия тоже молчать не стали. И вскорости небо вновь засияло синевой.

– Как вы почувствовали немцев? – удивлялся комдив, глядя, как бойцы младшего сержанта Сушенко зачехляют неостывшее орудие.

– Я их кожей чувствую, гадов! – ответил юный командир, с силой сжимая кулаки так, что на потемневших от пороха руках проступили побелевшие костяшки пальцев.

– Это важная линия обороны, прошу запомнить. От ваших действий зависит исход будущей операции. Ни один самолёт не должен миновать Балашовский вокзал, – отдавал распоряжение командир дивизии. Вы поняли приказ? Младший сержант Сушенко? Сержант Горюнов?

– Так точно, товарищ комдив! Не пропустим, – отчеканили командиры.

– Постарайтесь, хлопцы. Под утро ещё два состава придёт. Штаб фронта поставил задачу – во что бы то ни стало форсировать Днепр в срок. От нас ждут только победы.

– Не подведём, товарищ комдив!

– Горюнов! – прокричал Василий, глядя, как сержант медленно осел на землю у ящичков с боеприпасами. – Не время

отдыхать, Горюнов! Слышишь?

– Погиб сержант Горюнов, товарищ командир. Осколочное, кажись, – пробасил за спиной ефрейтор Морозов.

В который раз подивившись, что Морозовскому голосу даже обстрел не помеха, Василий Сушенко перепрыгнул через станину и в три прыжка оказался возле осиротевшей зенитки.

– Отделение! Слушай мою команду. Развернуть орудие и поставить в сторону Харькова.

– Да неужто в своих стрелять станем?

– Как же мы будем вражеские самолёты сбивать, когда спиной к ним поворотимся?

– Ты, командир со страху совсем ополоумел? – возмутились зенитчики.

– Фашисты вот-вот вернуться, – прикрикнул на них Василий. – Выполнять!

Бойцы Горюнова поутихли. С недовольством посматривая на нового командира, они медлили. Но под тяжёлым взглядом бойцов основного отделения, принялись разворачивать орудие.

Когда же ствол зенитки уставился в сторону города, Василий подошёл к наводчику.

– Зарядите орудие и ждите. Если какой самолёт прорвётся через наш огонь, вы его не упустите.

Сообразив, наконец, каков был замысел младшего сержанта, наводчик кивнул:

– Не прорвётся, командир. Не пустим!

– Добро! Скоро начнётся, а уж тогда гляди в оба! – по-
смастривая на небо, похлопал бойца по плечу Василий.

– Мессеры! – неожиданно прокричал рябой наводчик, ко-
гда вдалеке замаячили силуэты вражеских самолётов.

– Отделение! К бою!

– Мужики! Кажись, командующий? – пробасил Морозов
и присел возле орудия.

– Да ну?

– Ага, Конев, как есть, – закивал рябой.

– Не! Не он это!

– Точно тебе говорю!

Генерал в сопровождении командира дивизии, начштаба
и замполита, шёл по перрону мимо опустевшего состава.

Чем ближе начальствующие чины подходили к зенитной
батарее, тем тише становился шёпот артиллеристов. Когда
офицеры подошли вплотную, бойцы, опомнившись, выска-
чили из-за бруствера и вытянулись по стойке «смирно».

– Вот, товарищ командующий, – представил бойцов офи-
цер сопровождения, – объединённое отделение зенитной ар-
тиллерии, прикрывавшее Балашовский вокзал. Благодаря их
умелым действиям во время массированного вражеского на-
лёта удалось практически без потерь обеспечить разгрузку
железнодорожных составов с силами и средствами для под-

готовки форсирования Днепра.

Командующий внимательно оглядел батарею:

– Как же вы так, хлопцы, а? – покачал головой генерал. – Безобразие! Ни один самолёт не пропустили. Всех сбили! Ай-ай-ай!

Бойцы не сразу сообразили, что Конев шутит. Переминаясь с ноги на ногу, они косились на опустившего голову покрасневшего командира и на, отчего-то улыбающихся, комдива и начштаба.

– А почему у вас орудие в сторону своих направлено? – неожиданно строго спросил не понявший шуточки замполит.

– Непорядок! – поддержал его, улыбаясь, комдив.

– Да вот, товарищ генерал, – рискнул вступить за отделение всегда словоохотливый и не сдержанный на язык Морозов, – командиру нашему спасибо. Молодой, да башковитый оказался. Фрицев на обе стороны бил. Мужик, одним словом!

Командующий и комдив переглянулись. А Василий поправил фуражку и отчеканил:

– Командир объединённого отделения зенитной артиллерии младший сержант Сушенко товарищ генерал армии!

Конев посмотрел на Василия, обвёл взглядом оба орудия, бойцов и усмехнулся:

– Мужик, говорите? Ну, положим, мужиком он станет на следующий год, когда восемнадцать исполнится. А вот героём...

Генерал по-отечески похлопал юного командира по плечу и, словно опомнившись, протянул руку:

– Спасибо, сынок! – чуть слышно поблагодарил он.

Пожав по-детски хрупкую, но уже успевшую покрыться мозолями руку, Конев оглядел зенитчиков, замер на миг, и, не выпуская ладонь командира, тихо добавил:

– Всем вам, спасибо!

Повернувшись к офицерам, подмигнул комдиву и громко приказал:

– Начальник штаба! Оформляй наградные документы на оба расчёта. Заслужили!

После ухода Конева зенитчики облепили юного командира:

– Ты не сердчай, сына, что спрошу. Стар я ужо, – седой боец присел на станину рядом с юным героем. Остальные расселись вокруг. – Ты, конечно, нам командир, тут никто не поспорит. Только... Неужто, правду генерал сказал? Ну, об том, сколько годков-то тебе?

– Так и есть, – смутился Василий. – Семнадцать мне.

– Вот это молодец! – забасил ефрейтор.

Седой бросил гневный взгляд на Морозова и по-отечески, мягко, будто с малым дитятей заговорил с командиром:

– Как же батька с мамкой тебя отпустили, сына? Али сбежал?

Василий нахмурился, оглядел бойцов:

– Погиб отец мой. В 42-м. Здесь, под Харьковом, во время налёта.

Посмурились зенитчики. Улыбка слетела с лица ефрейтора Морозова.

– Стало быть, сегодня ты за него отомстил, – хлопнул себя по коленям рябой наводчик и встал.

– Разобьём фашистов, вот и будет отмщение. За всех, кто погиб.

– А и то, верно, мужики! – мечтательно вскинул голову к сереющему небу Морозов. – Вот переправятся наши через Днепр, да как попрут фрица до самых стен Берлина. А мы их прикроем. Верно, говорю?

– Верно! – зашумели бойцы.

– И чтобы ни одна бисова душа больше по земле нашей не хаживала, – закуривая самокрутку, добавил седой. – А тебе, командир, от всех нас, стариков и тех, кто помоложе будет... За науку! Спасибо, сынок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.